

Константин КРЫЛОВ

НОВОЕ СОЧИНЕНИЕ ПЕЛЕВИНА неоригинально. Спешу оговориться: не считаю оригинальностью таким уж огромным достоинством. Иногда она несносна. Хочется, наконец, получить то, чего ожидал. В этом смысле Пелевин, что называется, оправдывает ожидания. Книга – узнаваемо пелевинская. Никаких вымышленных новшеств, никаких бессмысленных экспериментов с тематикой и стилем. Да и черт бы с ними, с новизнами: сколько хороших писателей уже сгубило желание вырваться за магическую черту собственного таланта! Честертон весьма убедительно писал о том, что порядок и постоянство – это величайшее чудо, дающееся в руки далеко не всегда. Поэтому поезд, исправно прибывающий на свою станцию в положенный срок, – это и есть подлинная виктория, победа адовых сынов. И это правильно, господа, это правильно. Купив стаканчик с мороженым, вы не обрадуетесь, обнаружив там шашлык из муравьяда. Или – что случается чаще – просто кусочек перемороженного льда.

Кстати, о льдах. Сходство «Чисел» – основного горячего блюда пелевинского сборника – с сорокинским «Льдом» очевидно (Пелевин, кстати, признавался в одном интервью, что Сорокина ценит, а «Лед» так и вовсе ему нравится «больше всего»). И это сходство распространяется не только на основную символическую конструкцию – бессмысленное и беспощадное число, управляющее повествованием (кстати сказать, цифирь похожа даже композиционно, у Сорокина – 23, у Пелевина – 34). Нет, подобие глубже: сорокинский и пелевинский миры ощущают дрейфуют в направлении друг друга. Поэтому появление в пелевинском романе абсолютно сорокинских сцен – я имею в виду даже не столько анальный секс с косвенным участием портрета Путина (хотя, чуется мне, вилочную попку Жоры Сракондеева нашему автору еще помянут, и не раз, это уж будьте покойны), сколько, например, спектакль, или разговор в купе, – свидетельствует не о «заимствовании приема писателя», а о сближении. Становится все более ясно, что оба культовых российских писателя, в сущности говоря, описывают одну и ту же реальность. И нельзя даже сказать, что с разных сторон.

Мы называем «реалистической прозой» текст, вызывающий ощущения типа «вот же, блин, все как в жизни!». Заметим, что реализм несколько не исключает ангажированности – поскольку ангажирована сама реальность. Тексты Пелевина всегда воспринимались читателями как «реалистические» – в указанном выше смысле. Страшный «Омон Ра» был издевательством над «совком», издевательством безжалостным и где-то даже отвратительным именно потому, что «по сути все было очень точно» – а всякие фантазии выглядели как тени, отбрасываемые на стену слишком ярким светом, направленным на главное. «Принц Госплана» на тот же манер освещал эпоху ранней кооперации, с ее узнаваемой экономической и социальной спецификой: шахер-махер с «налом» и «безналом»,



ПОСТОЯНСТВО ПЕЛЕВИНА

Размышления над книгой «ДПП (nn)»

продажи оргтехники казенным учреждениям, агония советской распределительной системы... «Чапаев» и «Generation П» (который, кстати, сделал общепотребительным слово «позиционирование») насмерть припечатали реалии Золотого Десятилетия, сумасшедших девяностых, с монструозным Ельциным, крас-

Лондон и на Канары, кого поупрямее – в мать-сыру землю подмосковную.

Пелевин изображает все эти процессы с усталым омерзением, хотя и без возмущения. Праведное негодование в такой ситуации он полагает, мягко говоря, запоздалым – «поздно пить боржоми». Да и на что, собственно, негодовать? Говно, как и было сказано у того же Сорокина. Пелевин, кстати, здесь с ним вполне солидарен – кто читал рассказ о Вере Павловне,

тот помнит. Правда, у Сорокина говно все-таки выделяется из тел, а герои Пелевина говно пьют, едят, покупают, экспортируют, а главное – носят его под кожей, пропитываются им насквозь, и, в конечном итоге, становятся говном. Что при совке, что при «царе Борисе», что сейчас – итог один и тот же, разница лишь в эстетике процесса.

Весь «ПОЗИТИВ» сосредоточен в двух последних рассказах сборника. Они расчетливо экзотичны. Первый написан от имени отрубленной головы писателя Юкио Мисимы, второй – от имени средневекового китайского студента. И то, и другое – тексты, что называется, аутентичные: излагаемая там доктрина и в самом деле является «настоящим буддизмом». По крайней мере, основные доктрины учения изложены здесь верно, а не в глянцево-варианте (успешно продающемся на том же Западе).

И именно здесь мы сталкиваемся с тем, что буддизм – учение грустное и в чем-то даже страшное.

Абсолютно все религии утверждают, что мы живем в кошмаре. Этот кошмар, однако же, есть не что-то внешнее нам – он порождение нас самих, наших

чувств и мыслей. Для того, чтобы вырваться из него, нам следует измениться. Вопрос в том, насколько и как.

Буддизм в этом смысле предлагает крайне логичную, но очень печальную точку зрения. Что бы мы с собой ни делали, как бы ни меняли свое сознание, все это не избавляет нас от кошмара (именуемого «сансарой», она же – Пелевин просто раскрывает значение символа). Пока мы есть мы – скажем больше, пока мы есть, – мы обречены. Единственный выход – вовсе перестать быть, в каком бы то ни было смысле слова. Точнее – поскольку уничтожить сознание невозможно – стать тем единственным субъектом, которому доступно настоящее счастье. Стать тем единственным гостем на празднике Бон, который вечно приходит к самому себе. Слиться с ветром, который дует сквозь мир, не поднимая волн. Зачеркнуть себя – потому что в «себе» все равно нет ничего хорошего.

Для тех, кто не понимает, что именно этот пункт – центральный, написан рассказ «Фокус-группа». Отвратительное существо, пожирающее души, непосредственно перед заглотом проповедует вполне адекватный буддизм – с единственной махонькой поправкой: «блаженство» предлагается душе лично, без перспективы добровольного саморастворения. Увы, кончает-

ся это как раз обратным: души оказываются пожранными очередным зевом...

Принять всерьез такую точку зрения для человека, как сейчас модно выражаться, «иудеохристианской культуры» практически невозможно. То есть возможно (и таких довольно много – в России полно буддистов, да и сам Пелевин, чай, не бурят), весь вопрос в том, насколько такое принятие может быть успешным на самом деле. Предлагаемый буддизмом выход противоречит чему-то очень важному для европейского (пусть даже для европеоидного) ума. Еще Платон задавался вопросом: можно ли позавидовать безумцу, который наслаждается разнообразными удовольствиями, но не осознает себя? Буддист должен ответить на этот вопрос категорическим «да»: «осознание себя» и «здравый ум» для него не имеют никакой ценности.

НЕОРИГИНАЛЬНОСТЬ ПЕЛЕВИНСКОГО СОЧИНЕНИЯ проявляется и в том, что автор, устав от экспериментов, начал, наконец, создавать «свой писательский мир» – с заранее заданной онтологией, с персонажами, переходящими из книги в книгу, с сериальностью, наконец. Пока что это только намечено: в «Числах» демонстративно называется по имени главный герой «Generation П» Вавилон Татарский, а стреляющая ручка (типичный сублимат извечной мечты литератора о «прямом действии», о маяковском штыке, выпрыгивающемся из пера) позаимствована из «Чапаева и Пустоты». Соответственно, в рассказе «Фокус-группа» – являющемся, в свою очередь, римейком пелевинских же «Вестей из Непала» – упоминается один из героев «Чисел», и так далее. В свою очередь, «Generation» и «переходные» (что отмечено даже в названии сборника) «Числа» обретают узнаваемые черты сериала, судя по всему – трилогии, с довольно-таки предсказуемым грядущим третьим томом. В котором, судя по логике вещей, действие начнется в «никуда» (на Западе) с последующим перемещением в «ниоткуда» (в Россию), а главный герой будет чем-то смахивать на наивного фандоринского англичанина. Первые прикидки, похоже, уже сделаны – смотри рассказ «Македонская критика французской мысли».

Добавлю на всякий случай, что лично меня такая перспектива нимало не смущает: опять же, постоянство и предсказуемость. Читателей это, скорее всего, не смутит тоже: они хотят Пелевина, они получают Пелевина. Хуже будет, если Пелевин изменит себе и попытается дать джазу на новый лад. Он – певец одной ноты; как только он захочет сменить тему, обнаружится, что сказать ему нечего. Раздражаться на это не следует: одна нота – уже много, большинство литераторов довольствуется шумовыми эффектами. Будем благодарны тому, что есть, – пока оно есть. ■



«ДПП (nn)» – «ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ИЗ НИОТКУДА В НИКУДА» ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В книгу вошли: «Элегия 2», роман «Числа», повесть «Македонская критика французской мысли», рассказы «Один Бог», «Акико», «Фокус-группа», «Гость на празднике жизни», «Запись о поиске ветра». Издательство «ЭКСМО». Москва, 2003.

11.09.2003

Victor Pelevin

59.